

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № X.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Н А Ъ З Д Ы.

П о в ѣ с т ь 1613 г о д а .

(*Продолженіе.*)

Г л а в а IV.

Я формалистъ: люблю я очень
Въ фарфоръ чай, вино въ стекла,
Въ обѣдъ Русскомъ — добрый сочень,
Roast-beef на Англійскомъ споль.

Люблю въ гостинной вѣсти, фразы,
Люблю въ гостинницъ проказы,
И даже ссоры въ злые дни . . .

(Чего насъ, Боже, сохрани!)

Если нѣсколько Польскихъ магнаповъ могли блистать роскошью, какъ владѣтельные Герцоги, за то при четверти остальныхъ равнялись съ ними одною спѣсью, далеко отставая въ средствахъ ее удовлетворишь или выказать. Правда, каждый дворянинъ, не только магнатъ, считался имѣть около себя небольшой дворъ; но все это чван-

ство, постепенно нисходя къ бѣдности, хвастливой богатствомъ, только дѣлало смѣшнѣй ихъ причуды, и тѣмъ скорѣе довершало разореніе. Колонпай, одинъ изъ важнѣйшихъ помѣщиковъ того края, конечно былъ богатъ всѣмъ, что составляетъ первыя надобности человека, но денежные доходы его были весьма ограничены. Нѣмецкіе купцы посредствомъ Евреевъ покупали, правда, у него лѣсъ, рожь, пеньку, сало; но Двина была не близка, перевозъ гужомъ въ бездорожномъ краю затруднителенъ, а сплавъ до Риги, по случаю войны со Шведами, очень ненадеженъ, и потому цѣны на все чрезвычайно низки. Прибавьте къ этому огромную дворню, запутанность дѣлъ, безсовѣстность экономовъ, беспорядочность въ расходахъ и приходахъ, отъ того, что у Поляковъ тогда, какъ у насъ еще доселѣ, хозяйство считалось наукою недостойною дворянина, и вы не удивитесь удивленію Князя Серебрянаго, котораго, минуя рядъ покоевъ, прошивъ своего чаянія не замѣнилъ въ нихъ ничего великолѣпнаго. Въ двухъ только гостинныхъ спѣны обиты были золотоправчатымъ штофомъ, а кресла и стулья обляпаны рыпымъ плюсомъ; но все это было такъ блѣкло, что его безошибочно, казалось, можно назвать ровесникомъ Писарова.

Въ столовой залѣ по глухой стѣнѣ плылись предки Колоншаевы отъ мала до велика; но благодаря пыли и копоши, они терялись въ сумеркахъ времени, и это обстоятельство конечно было не въ накладъ и порешамаъ и живописцамаъ. Въ концѣ залы стоялъ шкафъ со стеклами, раскрашенный и украшенный какъ часовня; въ немъ были помѣщены въ узоръ серебряныя блюда, фигурныя кубки, чары, чарочки, чашечки и кружки, наследственная родословная креспинъ, имянинъ, свадебъ, мировыхъ подарковъ и военныхъ добычь. На столѣ напрошивъ, шакъ какъ день былъ не праздничныи, при оловянныхъ шарелкахъ лежали только серебряныя ложки, да шакой же кабачокъ и солонки. Кружки и рюмки были разноцвѣтнаго стекла и разнообразны.

Госпи, жужжа, обходили столъ, будшо крѣпость, назначенную къ разграбленію. Вся кровь зашглась въ Князѣ Серебряномъ, когда онъ увидѣлъ выходящую изъ прошивоположенныхъ дверей Варвару: она опиралась на руку Льва Колоншаа, и одѣша была въ Польскомъ или, лучше сказать, въ Венгерскомъ плашь. Двѣ косы, перевитыя жемчужною ниткою, два раза окружали ея голову. Бѣлый глазеповый доломанъ, опущенный соболями, охвапывалъ спройныи спанъ, и голубая ашласная

исподница съ золошою бахрамою спруилась и шумѣла въ широкихъ складкахъ; спройная ножка заключена была въ красный сафьянный черевикъ. На одинъ мигъ успремилла она яхонповыя очи свои на незнакомца; румянецъ какъ зарница вспыхнулъ на лицѣ красавицы, и снова попухъ, и снова обратились взоры ея къ Колонпаю, какъ будто обманутые сходспвомъ. — Князь былъ уязвленъ пакою холодноспію; онъ лучше бы желалъ, чпобъ она подвела его подъ саблю своею радоспію, чѣмъ бытъ безопаcнымъ цѣною пакого убійспвеннаго равнодушія.

Сельскій Каноникъ прочелъ *Oculis omnium*, благословилъ яспвы, и всѣ спали садипсья. Колонпай, какъ хозяинъ, не смотря на то, чпо дамы помѣспились на одинъ конецъ сполла, выгадавъ себѣ мѣспю рядомъ съ Барварою, и бѣдный Князь, сидя на одной споронѣ съ нею, полько вкось, и по изрѣдка, могъ наслаждагься видомъ ея носика, перепрыгивая взорами по чрезъ полспое брюхо пана Пузина, по чрезъ пѣниспые усы пана Зембины, по чрезъ бришую голову пана Радуловича.

— „Вассанъ, конечно Русакъ по вѣрѣ?“ спросилъ панъ Спароспа, обращая слово къ Князю . . . „Здаеця: панъ креспился на правое плечо?“

— „Крещусь на правое, а рублю и съ праваго и съ лѣваго,“ гордо опивчалъ Серебряный, негодуя за нескромный вопросъ и неучливое выраженіе вассанъ, которое почти равняется нашему сударь.

— „Что хорошо, то хорошо!“ со смѣхомъ вскричалъ хозяинъ, которому понравилась эта выходка. „Пускай опцы Езуиты разбирають, Лапынью или Славянщиною лучше опирають райскія двери; пускай они проклинають нашихъ Кальвинистовъ и за чубъ шащаютъ казаковъ въ Унію; по нашему, пошь и свяшь, кто лучше рубится за опчизну. Не правда ли, панъ Судья?“

— „Моя хапа съ краю, — ничего незнаю,“ опивчалъ Войдзевичъ, опшучиваясь, чшобы не навлечь на себя неудовольствія Старосты.

— „У палеспраншовъ, какъ на испорченныхъ часахъ, не узнаешь правды,“ сказалъ Хорунжій Солшыкъ: — „одно бьютъ, а другое показываютъ.“

— „По крайней мѣрь...“ возразилъ Войдзевичъ, скрывая свой гнѣвъ, но брякнувъ саблею. „Разумѣешь, панъ Хорунжій?“

— „Разумѣю, только“

— „Сомнѣваешься?“

— „Нѣль, просто не вѣрю.“

— „Дерзкій мальчикъ! Satis loquentiae, sapientiae parum! (богаты словами, а бѣденъ разсудкомъ). — Знаешь ли, чѣмъ плапьятъ за подобныя рѣчи? “

— „Не все братья; надобно же и поплапьять-ся, панъ Судья.“

— „Прощу слово гонору, панъ Хорунжій!“

— „Я не отдаю чести пѣмъ, которые не сподпъ ее!“

— „Не даешь попому, что не изъ чего.“

Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась ссора, подспрекаемая присутствіемъ общества и въ особенності дамъ. Такія сшибки были весьма обыкновенны въ Польшѣ, гдѣ всякой молодой человѣкъ жаждалъ выказать свою храбрость, не ходя далеко и не заботясь о справедливости, попому, что одна удача заслуживала одобреніе. Хозяинъ однако жъ поспѣшилъ удержатъ запальчивость пропивниковъ: „Гище, господа, прощу васъ, пише! Опложите на часъ ваши сдѣлки, — садъ великъ и вечеръ дологъ, успѣете еще нарубипься досыща. За обѣдомъ дѣло не о крови, а о винѣ.“

— „Гдѣ льется вино, тамъ и кровь брызжетъ нерѣдко,“ примолвилъ Каноникъ.

— „Не хочеть ли Преподобный доказать, что вино пьяно?“ спросилъ, шупя, Левъ Колоншай.

— „Не хочеть ли панъ Роммистръ доказать, что нѣтъ?“

— „Не только хочу, но и могу: я утверждаю, что пьяно опиюдь не вино, а время.“

— „Какъ время? Какимъ образомъ время?“
вскричали многіе голоса сквозь смѣхъ. „Это очень любопытно.“

— „Вы смѣяесь, господа, немножко рано, — я вамъ расскажу, какъ. Во-первыхъ, возьмите вы бочку Венгерскаго и распейте ее въ три года по двѣ рюмки на день, вѣдь вы не будете пьяны?“

— „Разумѣется, нѣтъ!“ отвѣчалъ панъ Зембина: „предполагая, что въ Польшѣ найдется рѣшительный человекъ для такого поспнаго опыта.“

— „Но выпейте же вы двѣ бушмыки въ полчаса, вы безъ сомнѣнія опьянѣете. Следствиемъ одно время придаетъ вину хмѣль!“

— „Si non è vero, ben trovato“ (если не правда, то складно) сказалъ по-Италіянски Солмыкъ. Этомуъ языкъ входилъ тогда въ моду между знашью.

— „Experto credite“ (вѣрьте опытности) возразилъ Колоншай, — „даже глядя долго на иные глаза, можно прійти въ упоеніе!“

— „Браво, браво, сынокъ!“ вскричалъ хозляинъ, хохоча громко: „да я и не подозревалъ за тобой такой прыщи. Своими неспрогими

проповѣдями ты, пожалуй опобьешь, мѣсто у Королевскаго Свѣщенника Папера Голынскаго!“

— „Я гораздо честолобивѣе, бапюшка: мѣчу въ духовники прекраснаго пола, и желалъ бы начать эту назидательную обязанность съ панны Барбары!“

— „Если бѣ я хотѣла отвѣчать пану Льву такую же ласкью, я бы сказала, что лучше заключить, нежели начинать мною; но я искренна, и чтобъ не поперять этого качества, не желала бы имѣть такого духовника,“ — сказала Варвара очень мило. — „Припомъ же мы различныхъ вѣрь. . . .“

— „У сердцеъ одна вѣра,“ — примолвилъ тихо Левъ Колоншай.

— „Панъ Маевскій!“ возгласилъ хозяинъ: „прошу отвѣдать съ этого блюда. Вашмосць ничего не кушаетъ, поглядывая на землячекъ; — надождать, пріятель, скоро надождать. Родовитому шляхпичу не худо бы взять урокъ, другой, какъ слѣдуетъ кушать, у пана Зембины; онъ за живымъ зайцемъ не большой масперъ гоняпсья, за то жареный отъ него не уйдетъ.“

— „Особенно, когда онъ подспрѣмленъ паномъ Спаниславомъ,“ — отвѣчалъ весельчакъ

Зембина, указывая на полную тарелку хозяина: — „на одной ножкѣ не далеко укачешъ.“

— „Ха, ха, ха! Пани Спароспина, прошу не опказываться: лозанки право хопь куда! Ясневельможный! или марповское съ грѣнками не правится?“

— „Насполщее спариковское молоко: какъ весна, сердце грѣпть.“

— „За чѣмъ же дѣло спало, — или помолодѣпть не охопа? Ахъ молодоспъ наша, молодоспъ, панъ Спароспа: люблю вспомнипть ее. Помнишь ли наши пирушки въ Краковѣ?“

— „То-то было времечко, не нынѣшнему чепаш!“

— „Куда нынѣшнее! Теперь не только сердце, да и солнце проспыло. Гей! Венгерскаго! спараго Венгерскаго, чпобы Стефана Баторія помнило!“ (Наливаетъ въ большой серебряный кубокъ). „ Опъ пана до пана!“ (Пѣетъ и передаетъ кубокъ Спароспѣ).

Кубокъ шель кругомъ, и каждый возглашалъ заздравіе, какое внушалось ему чувствомъ, умомъ или памятью. Другой кругъ посвященъ былъ имяннымъ здоровьямъ, и, разумѣется, присупспвующія красавицы не были

забыты. Привѣты, одинъ другаго нелѣтъ, одинъ другаго зашѣливѣе, дождали. Когда дошла очередь до Льва Колонпал, онъ наклонился, схватилъ съ ножки Варвары башмачокъ, не смотря на ея крикъ и сопротивленіе, налилъ въ него вина и, поднявъ, произнесъ: „Мое первое счастье сражаюсь за опечесиво, а второе перяшь свою собспвенную свободу въ плѣну прекрасныхъ! . . . Предлагаю здоровье Русской розы, панны Барбары!“

Долгое bravo раздалось со спороны мужчинъ. „Опъ пана до пана башмачокъ красавицы!“ восклицали они, хлопая въ ладоши. „Мы въ войнѣ только съ Русскою силою, а не съ Русскою красою!“ Сафьянный бокаль лепылъ изъ рукъ въ руки; дамы кусали губы и перешепывались, а заспѣчивая Варвара раскланивалась, не подымая глазъ и пылая какъ роза. Казалось, она просила пощады, а не шоржества.

— „Нелзя ли къ этому здоровью прибавишь здоровья пана Ропмиспра?“ спросилъ Хорунжій, полушупя.

— „Эпо не опъ меня зависптъ,“ опвѣчалъ топъ спрого, но со вздохомъ, поцѣмовавъ руку у прекрасной своей сосѣдки. Барвара не знала, куда дѣваться; двѣ крупныя слезы сверкали на ея рѣсницахъ; высоко воздымалась

полная грудь. Левъ любовался ею, думая: „она прелестный обыкновеннаго, если — она можеть быть прелестнѣе!“

Не трудно угадать, въ какомъ волненіи находился тогда Князь Серебряный: иглы шекли у него по жиламъ, ревность душила сердце. Онъ говорилъ не думая, отвѣчалъ не внимая; ему казалось — онъ поглощаетъ пламя въ винѣ, предложенномъ опъ соперника; со всѣмъ пѣмъ жадно прильнулъ онъ устами къ башмачку пой, которую любилъ пакъ горячо. — Едва владѣя собою, онъ спросилъ Солышка: „развѣ есть что нибудь положенное между молодымъ Колонпаемъ и пѣвницею?“

— „Навѣрно не знаю, но кажется, свадьбы не миновать. Опець и мапъ любяпъ сына до безумія, и что онъ захотѣлъ, по свято. Конечно, за ней нельзя ждаться приданого, но она изъ стариннаго дворянскаго дома, а главное, что Левъ въ нее влюбленъ по уши, только ею бредитъ во снѣ и на яву!“

— „Но любяпъ ли его взаимно?“ произнесъ Серебряный, едва переводя дыханіе, между пѣмъ быстрыя краски измѣнили его лице, по пылающее, по блѣдное.

— „Прошу извинить, панъ Яромиръ; голова у ней не хрустальная, и я не могъ видѣть ея мыслей. Знаю только, что Левъ молодъ, знаменъ, богачъ, и, что должно бы по-

спавишь въ заглавіи — хорошгъ собою: какое женское сердце не увлечется чепверкою пакихъ достоинствъ? Кромъ этого, она обязана ему благодарностию: попеченіемъ Льва она живетъ здѣсь не хуже Принца Максимилиана въ Красномъ-Славѣ, въ плѣну у Замоискаго. Не то, ей бы плохое было житье и опъ самого спарика, который ненавидитъ Русскихъ за то, что они упорны, и опъ нашихъ дамъ, которыя не прощають красотъ вредпочтенной.“

Такія вѣсти заспали Кнзя повѣспить голову. Между тѣмъ бесѣда спановилась шумнѣе и шумнѣе; молодые паны покинули свои мѣста и, опершись на спинки дамскихъ спульевъ, въ полголоса говорили любезности. Спарики, подогрѣтые виномъ, полковали о политикахъ.

— „А что, панъ Маевскій, жалюпъ ли Русскіе нашего Королевича?“ спросилъ у Серебрянаго Спароспа Креславскій: „вѣдь онъ самъ звали его на престоль.“

— „Иногда люди *желаютъ* неизвѣспнаго; но *жалтъ* неизвѣспнаго невозможно,“ скромно отвѣчалъ Кнзь.

— „А кто виноватъ, если они опъ него отказались? Самъ Король нашъ. Когда бы не позавидовалъ сыну, такъ Русская корона не

ушла бы у него въ лѣсъ, какъ заяцъ," сказалъ хозяинъ.

— „Сомнѣваюсь, чѣобы Русскіе поперѣли надъ собой иноплеменнаго Царя. Татпарское владычество увѣковѣчило въ нихъ ненависть ко всему, что не Русское. Владислава призывали на Царство только нѣсколько честолюбцевъ.“

— „Просты же остальные Бояре, право просты; неужели не смыслятъ они, что чужеземнаго Царя легче держать нашему брату въ лапкахъ?“

— „Московскій Царь властвуетъ не для однихъ магнашовъ, а для всего народа, а народъ хочетъ видѣть въ Государѣ отца и кровнаго, а не наемника чужеземца. Теперь всей землей они выбрали себѣ достойнаго Царя.“

— „И мы, кажется, выбираемъ Королей не при свѣчахъ. Не такъ ли, панъ Староста? Однако пусть лукавый упоишь въ бочкѣ Венгерскаго мою душу, если Жигмунтъ не рветъ нашу Pacta conventa на завивку Шведскихъ своихъ усовъ. Но дай только дождаться перваго Сейма; у меня найдется свой Зебрлидовскій; онъ грянетъ „не позволямъ," какъ вѣсовая пушка.“

— „Вспоминаютъ ли на Москвѣ нашихъ удалцовъ?“ спросилъ Солпыкъ.

Лице Князя вспыхнуло гнѣвомъ, но онъ умѣрилъ это невольное движеніе. — „Послупки полковъ, бывшихъ съ Тушинскимъ самозванцемъ, и наѣзники Лисовскаго были причиною сильной къ намъ ненависти,“ сказалъ онъ, пощупивъ очи.

— „Какое намъ дѣло, любятъ ли насъ рыбы, когда мы ѣдимъ ихъ?“ возразилъ старый Колоншай. „Ай спасибо Лисовскому!“

— „Кспаши о немъ“ — сказалъ Спароста. „Лисовскому вѣрно опять собираешься на Москву, и онъ прислалъ сюда Маціевскаго вербовать охотниковъ, разумѣется, такихъ удалцевъ, у которыхъ неque res, неque spes bonum (ни добра, ни надеждъ). Завтра онъ будетъ сюда.“

— „Маціевскій!“ воскликнулъ Князь, вспомня, что они хорошо знакомы другъ другу и въ домѣ и въ полѣ.

— „Онъ долженъ быть знакомецъ панскій“ сказалъ Левъ Колоншай. — „Вы оба служили подъ знаменами Жолкѣвскаго?“

Князь опивчалъ склоненіемъ головы. Онъ молчалъ, но за это сердце говорило тѣмъ громче. „Безумецъ, безумецъ!“ — думалъ онъ, не для того ли, чтобы побывать на свадьбѣ у врага и соперника, жертвуешь ты жизнію или свободой! Не ожидаешь ли ты взаимности отъ дѣвицы, которая тебя не даритъ

даже воспоминаніемъ! . . . Бѣги, не ожидай новыхъ уничиженій и новыхъ бѣдъ!“

Обѣдъ кончился. — Женщины, подспрекаемые любопытствомъ, окружили мнимаго выходца изъ плѣна, и, вѣроятно, желая заманить въ новый. Чтобы опланишь Варваръ пою же монешю, Князь припворился, будто и не замѣчаетъ ее. „Не ищи, и въ пещь искашь будущъ.“ Правило очень вѣрное, но только для особъ, щедро одаренныхъ отъ природы умомъ или красотою, и конечно Князь могъ назваться однимъ изъ ея баловней. Польки очень были довольны его опривисными опвѣсами, его дикою живостію. Кпо понравился женщинамъ, у него и самые недосяпки имъ кажутся милыми, самыя ошибки оспроумными. Впрочемъ онъ довольно дорого плашилъ за расположеніе дамъ: онѣ замучили его вопросами, предложеніями и приглашеніями.

— „Вы вѣрно, панъ Яроміръ, выучились говорить и пѣть по-Руски,“ — сказала одна черноглазая дама. — „Спойте намъ чтонибудь, у васъ такой чистый голосъ, это должно быть очень пріятно.“

— „По крайней мѣрѣ очень любопытно,“ примолвила другая.

— „Чему бытъ хорошему на хлопскомъ языкѣ,“ — важно произнесъ панъ Спароста,

для котораго языкъ его крестьянъ значить не болѣе мычанья быковъ.

— „На Руси почти по же говорятъ о Польскомъ языкѣ,“ возразилъ Серебряный: „хотя, я ссылаюсь на моихъ прекрасныхъ соопечественницъ, онъ такъ мило звучитъ въ словѣ *кохаль*, что его нельзя выговорить, не вздохнувши! Я увѣренъ однако же, что и переводъ этого слова: *люблю*, въ устахъ Русской красавицы показался бы не менѣе сладостенъ и благозвученъ.“

Онъ съ жаромъ произнесъ послѣднiя слова, устремивъ въ припадкѣ нѣжности очи свои на Варвару, которая одна не приближалась къ нему, одна не заводила съ нимъ рѣчи. Казалось, она вздрогнула, услышавъ слова родныя! . . . Румянецъ разлился по челу; уста раскрылись какъ будто для отвѣта; она подняла длинныя рѣсницы свои, и снова опустила ихъ, молча. Князь былъ внѣ себя отъ досады. Не смотря на это, онъ нехотя долженъ былъ взяться за многоспрунную ципру, инструментъ уже знакомый ему по домамъ Польскихъ вельможъ въ Москвѣ, и хорошо играя на гусяхъ, онъ въ нѣсколько переборовъ примѣнился къ ладамъ ея. Левъ Колонпай взялся вторить ему на флейтѣ, и

Князь Серебряный, послѣ звучнаго аккорда, запѣлъ заунывную Русскую пѣсню:

Что ни ласточка, ни косачка
Вкруг тепла гнѣзда увивается, и проч.

Новость ли, или сила выраженія, копорю оживилъ Князь слова просныя, или, что всего вѣроятнѣе, привѣпливость общесва, полько громкія рукоплесканія раздались кругомъ, когда онъ кончилъ . . . но ему ласно было одобреніе лишь одной особы, и эпой особы уже не было въ компань.

(Продолженіе впрѣдъ.)

II.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Шиллеръ и Гетте.

(Продолженіе.)

Сія дидактическая Поэзія имѣетъ болѣе ученаго, чѣмъ поэпического достоинства. Напрошивъ того *сентиментальное* изображеніе нынѣшней жизни либо имѣетъ одну поэпическую цѣну, либо вовсе ни какой не имѣетъ. Цѣль оной еспь предспавить дѣйствительное и наспоющее время чѣмъ - по привлечательнымъ и пріяпнымъ. Сей родъ Поэзіи

имѣеть важное преимущество предъ изображеніями минушаго образа жизни, въ родѣ древнемъ и романтическомъ. Сіи послѣднія могутъ стремиться единственно къ изяществу субъективному; они никогда не достигнутъ вполне до красоты объективной. Они не могутъ совершенно вѣрно списать жизнь минувшую, никогда не могутъ изобразить оную съ чистою объективностію. — Поэтъ не имѣеть предъ глазами самаго предмета; у него есть одно субъективное представленіе онаго; посему онъ принужденъ скрашивать его своею фантазією и своимъ чувствомъ, — не имѣя возможности ограничиться вѣрнымъ списываніемъ оригинальныхъ красотъ онаго. Напротивъ того, новѣйшая Поэзія можетъ быть совершенно объективною: она имѣеть предъ глазами свой оригиналь; она списываетъ дѣйствительность, и не имѣеть нужды заимствовать у фантазіи и чувства особыхъ красотъ для того, чтобы свою картину сдѣлать привлекательнѣе. — Она пользуется всеми преимуществами истины объективной. Но если съ одной стороны должно представлять изящное въ предметахъ природы, объективной истины, то съ другой стороны природа, дѣйствительность не должна выступать изъ границъ изящества; — и въ этомъ-то новѣйшая Поэзія слишкомъ часто погрѣшаетъ. Ея понятія объ изящномъ и о предметахъ, въ

какихъ ей позволено списывать природу, суть не самыя правильныя, не самыя чистыя. Ея сужденія объ изящномъ, ея выборъ онаго слишкомъ часто подчиняются соображеніямъ постороннимъ. — Она почитаетъ изящнымъ то, что льститъ совершенно другимъ потребностямъ, неэстетическимъ. Приманки навыка, моды и суешности кажутся ей эстетическими, и она вмѣшиваетъ въ свои картины весьма обыкновенныя, пресныя и неэстетическія краски и черныя вмѣстѣ съ тѣми, копорыя однѣ совмѣстны съ красотою истинною. Сія картина суть не изложенія изящнаго въ нашей новѣйшей жизни, а преступное скрашиваніе и сентиментальныя приголубиванія слабостей, заблужденій и пороковъ.

Привычка и самолюбіе поддерживаютъ сіе злоупотребленіе поэтическаго изложенія. Не замѣчаютъ ложнаго и опврашительнаго въ ономъ, потому, что привыкли къ нимъ, потому, что всегда они были одобряемы. Иногда истинная сущность сихъ недостатковъ признается; но не смотря на то, ихъ одобряютъ, ими улаждаются потому, что они льстятъ какой нибудь склонности и скрашиваютъ оную. Прославляемое изящнымъ неизящное можно раздѣлить на слѣдующіе роды, и не бесполезно выкинуть внимательнѣе въ сущ-

ность нашего самообольщенія; ибо, широко распространивъ дѣйствія свои, оно служило намъ къ великому вреду нынѣ, и къ позору въ потомствѣ.

Во-первыхъ, скрашиваемъ мы въ поэтическихъ изложеніяхъ — слабость. Всякая, какую только можно придумать, слабость характера, жалкая ничтожность и поспыдное безсиліе умственныхъ разслабленниковъ нашего времени, прикрываюцца съ пошворствомъ въ драматическихъ пьесахъ и Романахъ, или даже прославляюцца, какъ единственно достойныя подражанія качества. Поэты не только представляютъ намъ, но и сами чистосердечно считаюцца превосходнѣйшими, благороднѣйшими, образцовыми характерами самыхъ жалкихъ, самыхъ пошлыхъ героевъ Романовъ. Слабость есть, если не порокъ, по крайней мѣрѣ корень порока и позора націи, а кто скрашиваетъ оную, и разслабляетъ нервы юношества пищею разслащенной, потъ заслуживаетъ не болѣе пощады, какъ и потъ, кто злонамѣренно отправляетъ здоровья души. — Въ эпихъ сентиментальныхъ стихотвореніяхъ представляюцца чинапелямъ герои и образцы, которые почти всегда суть не иное что, какъ порпреты жалкихъ своихъ шворцевъ, истощенныя муміи, разслабленные нѣженки новѣйшаго времени, набитые, для нѣ-

которой полнопы, немногими правилами уступчивой морали, или предразсудками. Единственно ошъ недоспапка въ герояхъ, весьма многіе Поэты принуждены были обратиться въ міръ древній и романпическій. Въ нашемъ настоящемъ мірѣ они пакъ рѣдки, чпо должно было прибѣгать ко всѣмъ возможнымъ псапральнымъ средствамъ для подмѣны ихъ, дабы какъ нибудь пополнить недоспапокъ. — Истинные герои новѣйшаго времени, напр. Наполеонъ, какъ-то не въ пору Поэзіи, а Поэзія не въ пору тѣмъ подспавнымъ героямъ и героинямъ, приисканнымъ у уборнаго сполпка на балѣ, или въ дѣдовскихъ креслахъ и въ дѣпскихъ комнапахъ. — Немощность составляетъ семейственную черту, *air de famille*, сихъ героевъ, основаніе ихъ характера. Но мы различаемъ два существенные рода оныхъ: одни суть мягкіе, сладоспные, добродушные, наспопція зеркала добродѣтели; другіе суть ригористы, которые пѣпушались и, надсѣдаясь, преувеличиваютъ геніальность, силу и свободу.

Къ первому изъ названныхъ нами родовъ принадлежатъ Вертеры и Зигварпы, вѣрные паспушки, слезопочивые юноши, лунашпкидѣвушки, весь цехъ чувспвпсельныхъ; далѣе — добрые опцы и матери, благовоспипанное, ппхое семейство, прилежный купецъ, бога-

тый, благовоорипельный дядя, чувствивпельный, снисходипельный Кнлзь и Графъ, несправедливо подозрѣваемый и оправданный чиновникъ, и проч. и проч. Какимъ добродушіемъ ни омпичались бы всѣ эти люди, — оно спавновипсь несносно омпъ ограниченности, омпъ предразсудковъ, омпъ ложной плаксивости и омпъ пошлости, которыя служатъ оному основаніемъ. — Характеръ сихъ лицъ еспь слабость, уступчивость проптивъ самага смѣшнаго предразсудка, удовольствованіе себя самыи несносными предметами, хвасповспво самыи обыкновенными и ничтожными. Спраждающая добродѣтель сихъ героевъ и героинь обыкновенно состоиптъ въ проливаніи ручья въжныхъ слезъ, и въ совершенно бесполезныхъ жалобахъ, а попомъ въ пакъ называемомъ великодушномъ опказѣ самому себѣ, въ лишеніи себя желаннаго предмета. Добрые люди не знаютъ, какъ помочь себѣ, и почти въ каждомъ случаѣ, когда вспрѣчаются двѣ пропивооложныя нравспвенныя обязанности, выбираютъ самыя глупыя и смѣшныя средства. — Они плачутъ, опчаяваются, спрѣвляються, или опказываются, — вмѣсто того, чпобъ дѣйствовашъ съ силою самостоятельною. — Даже цѣлыя поэпическія творенія основаны на такомъ пзложеніи самой жалкой слабости. Если бъ герой или ге-

ропня образумились хоть на минупу и поспунили сообразно съ разсудкомъ, по все хныкапье и весь романъ сдѣлались бы лишнимп. Ихъ слабость есть не только нравственная, но и умственная. Они уступаютъ самымъ низкимъ предразсудкамъ, не умѣютъ ни надъ чѣмъ вознеспиться, опказываютъ себя и жертвуютъ собою при самыхъ незначительныхъ препяспвіяхъ, ради своего дворянства, ради родптелей, даже ради денегъ. Они не въ состояніи жить для любви, — по большой мѣрѣ могутъ они умереть для нее. — Добродѣтель дѣйствующая ни сколько не лучше. Обыкновенно она состоитъ въ одномъ наружномъ видѣ, въ случайномъ и ничтожномъ обнаруживаніи добросердечія, но съ пакимъ хвасповспвомъ, будто совершенъ величайшій подвигъ. — Уступчивость, помилованіе и снабженіе деньгами — вопъ главные опоры новѣйшей добродѣтели Романовъ и Комедій. Добрый отецъ, добрый оскорбленный мужъ, добрый, отвергнутый соперникъ въ любви, наконецъ уступаетъ; добрый Князь и дворянинъ милоспиво снисходитъ къ плебеянну, который за то кричитъ ему ура! богачъ даетъ деньги и прочее тому подобное. Большая часть Романовъ и плаксивыхъ Драмъ верпятся около этихъ пошлыхъ предразсудковъ званія и богатства; и сей пред-

разсудокъ чрезвычайно рѣдко или никогда не предспавляется въ его ничтожности; напропивъ того, во всемъ своемъ ложномъ величїи. — Если Князь или дворянинъ влюбленъ въ мѣщанку, то обыкновенно выходитъ подъ конецъ, что она естъ какой нибудь грѣшный плодъ знапности; либо бѣдный, презираемый за нищету, вдругъ сдѣлается богачемъ и проч. — Гдѣ не помогаетъ такая перемѣна счастья, тамъ священный предразсудокъ оспаеся во всей своей силѣ, и несчастные должны такъ называемымъ геройскимъ образомъ опказаться опъ благополучїа.

Вспорой родъ новѣйшихъ героевъ соспавляютъ родившіеся въ сорочкѣ и искатели счастья, которые проспираютъ припязанїа на генїальность, и всѣ болѣе или менѣе съ родни Донъ Жуану. То они сунъ ловкіе дипломаты, по офицеры — Геркулесы; по гладкіе Графчики и Барончики, по спранспвующїе Живописцы, Поэты и тому подобное. — Но образцомъ ихъ естъ и всегда оспаеся Донъ Жуанъ. Они не чувспвительны, не добродушны, не слезливы, какъ герои перваго разряда; напропивъ того, въ нихъ естъ что-то дьявольское, дерзкое; они должны выражать, по явспвеннѣ, по скрыпнѣ поржество силы надъ нравспвенностию. Но сіа сила естъ не иное что, какъ бессиліе, успун-

чивость собспвенному щеславію, или низкимъ склонноспямъ и похощамъ испощенной напуры и фанпазіи оскверненной. Сіи герои не могутъ бытъ названы сильными ни въ какомъ опношеніи. За недоспапкомъ силы умспвенной, можетъ бытъ занимапельна и въ своемъ родѣ доспойна уваженія сила чувспвенная; за неимѣніемъ нравспвенной — часпо-дьявольская сила зла. — Но наши Поэпы не смѣютъ даже предспавить намъ цѣлаго, проспо чувспвенно-сильнаго Донъ-Жуана, или цѣлаго, наспоющаго дьявола. Ихъ герои оспанавливаются въ срединѣ, въ общелюбимой половинности: ни теплы, ни холодны; довольно дерзки для того, чпобъ соблазнить чувспва, довольно благоприспойны, чпобъ подкупишь мораль.

Однимъ словомъ, намъ недоспааетъ силы ни для истинной добродѣтели, ни для наспоющаго порока. — Въ одномъ изложеніи спряданій и злодѣяній, происходящихъ опъ слабости, чувспвенности и пошлости сихъ героевъ, превосходимъ мы всю Поэзію прежнихъ временъ. Далѣ всего дошли мы въ жестпкости. Наши сочиненія наполнены жертвами низкихъ склонностей и предразсудковъ, которые всѣ происходятъ опъ немощи и дурномы людей, слишкомъ вѣрно списанныхъ съ дѣйствительности. Повпы наши сдѣлали сію жестп-

косьмъ насюощимъ предметомъ своихъ изученій, и въ перзаніяхъ душевныхъ они превосходятъ все, что дополь сдѣлалось извѣстнымъ въ отношеніи къ мукамъ плѣснымъ. Они не довольствуются выдумываніемъ самыхъ чувствительныхъ спраданій; но нарочно *препарируютъ*, приготавливаютъ свои жертвы, такъ, что и малыя печали должны производить въ нихъ самыя ужасныя спраданія. Они пользуются каждою слабостію, каждымъ предразсудкомъ для того, чтобы извлечь изъ нихъ ядъ.

Во всемъ этомъ видѣнъ характеръ безсилія, и времени немощнаго. Съ сею слабостію соединяется другая, не менѣе достойная вниманія характеристическая черта нашихъ новѣйшихъ поэтическихъ произведеній. Ослабѣвшую и испорченную напуру стараются замѣнить тою образованностію общежитія, тѣми условіями приличія, которыя мы сдѣлали себѣ нашею второю напурою. Погрѣшности и недостатки настоящей напуры прикрываются завѣсою сей напуры искусственной. По сей причинѣ Поэты охотнѣе всего заимствуютъ предметы для своихъ подражаній дѣйствительности у того круга, въ которомъ наиболѣе приобрѣли уже господствующія условія общежитія и приличія — у жизни высшихъ званій. Въ семъ отношеніи Поэты

почитаются наставниками пристойности и упонченности нравовъ; ихъ изложенія предспавляюся менѣе образованнымъ званіямъ и возрастамъ, какъ образецъ, къ достиженію котораго должно спремшися. Человѣкъ средняго званія изучаетъ искусство обращенія высшихъ сословій, сколько же въ Романахъ и театральныхъ піесахъ, сколько въ дѣйствительной жизни, и сіи произведенія даются въ руки юношей и дѣвицъ, еще чаще съ намѣреніемъ образовавъ ихъ, чѣмъ съ цѣлію доспавивъ имъ поэтическое наслажденіе.

Кому вздумается хулить упонченность обществія, пристойность наружнаго обращенія, вышніе знаки добраго расположенія къ ближнимъ! Хотя они и суть не иное что, какъ наружный видъ, всегда однако пріятная наружность лучше вида безобразнаго. Хотя они внушаютъ предубѣжденіе въ пользу человѣка, которое весьма часто обманываетъ, однако это предубѣжденіе есть выгодное, и людскость пребуевъ, чшобъ мы вспрѣчали съ такимъ предубѣжденіемъ каждое, намъ еще неизвѣстное лице. Образованность человѣческая сдѣлала весьма великій успѣхъ, достигнувъ до того, что мы обращаемся со всѣми людьми съ вышнимъ благорасположеніемъ, предполагая и въ нихъ такое же доброе къ намъ расположеніе. Нельзя однако никакъ

успайтъ, что сія учтивость и ушонченность нравовъ нерѣдко прикрываютъ своимъ наружнымъ видомъ самую опврашительную напуру. Съ ними неразлучны два зла: ложь и низость. — Наши обыкновенія, наши нравы паковы, что намъ почти нельзя повспрѣчаться на улицѣ безъ того, чтобы не солгашъ другъ предъ другомъ. Хотя бы въ обласпъ Поэзіи можно было укрпться испинѣ; но нѣтъ! мы и шуда вносимъ свою ложь, и даже именно шупъ представляемъ настояціе образцы лжи. Опъ привычки наша ложь превратилась въ постоянные предразсудки, о лживомъ происхожденіи коихъ мы даже и не размышляемъ, копорые намъ шакъ сказашъ врождены, по крайней мѣрѣ прививаются намъ во спиваніемъ; обезображенные ими, мы расхаживаемъ беззаботно и весело, какъ бы въ одеждѣ невинности. Такъ къ достоинству и благородству пригали педантизмъ; къ простосердечію — кокетство; къ чести — шщеславіе; къ вѣрности — собачью смѣлость; къ Христіанской кротости — прусоспъ; къ мудрости — шипроспъ; къ каждой добродѣтели примѣшалъ какую нибудь слабость, какъ къ золоту — олово. Этимъ не всегда хопяшъ обманушъ, въ обманѣ нѣтъ никакой надобности; ибо уже все обманушо. — Все-

гдашня ложь есть только слѣдствіе всегдашняго самообольщенія.

Низость идетъ рядомъ съ ложью. Низость есть понятіе, пригодное только для времени упонченной гражданской образованности. Она означаетъ отпаденіе отъ образованности къ первоначальной грубости, которое, однако, старается прикрасить и скрыть себя именно потому, что рядомъ съ онымъ находится образованность. Дикій, необразованный человѣкъ никогда не можетъ быть низокъ, подлъ; но кто образованъ, и не смотря на то, не можетъ покинуть первоначальную грубость, предается оной и украшаетъ ее — тогда становится подлымъ. Сія низость, подлость, есть главное зло нашего времени. Не смотря на всю свою образованность, человѣкъ чувствуетъ себя, какъ и прежде, поработаннымъ множествомъ страстей дикихъ, и сіи страсти, подъ гнетомъ внѣшней образованности, только умножились, и разгорѣлись съ большею пылкостью. Позорныя болѣзни нашего времени служатъ очевиднымъ явнымъ доказательствомъ. Но болѣзни, какъ и причина оной, скрываются, скрываются, и въ особенностяхи Поэты приняли на себя обязанность прикрывать каждую низость покровомъ прелести; — каждую самую грубую склонность природы дикой или

искаженной совокупають съ приличіемъ свѣтскимъ и съ образованностію общежитія, съ Поэзією и даже съ самою Религією! Виночники сего преступнаго союза, какъ водится, превозносятся общими похвалами, и собирають обильныя награды, охотно уступаемыя имъ грѣшниками, коихъ число такъ чрезвычайно велико. Это суть новые продавцы индульгенцій, которые опускають грѣхи во имя Поэзіи. Каждую низость умѣють они раскрасить и сдѣлать чѣмъ-то привлекательнымъ, достойнымъ одобренія и желательнымъ; каждый грѣхъ представить милымъ и достойнымъ любви, и освободить отъ всего гнуснаго и отвратительнаго. Ненависть и насмѣшки обращаютъ они полько на такъ называемую робкую мораль, на неданпизмъ и безчувственность невинныхъ нравовъ; низость и подлость вводятъ они въ одеждѣ утонченнаго приличія, высшей образованности и вельможной важности, а если грѣховность нельзя скрыть совершенно, то она переодѣвается въ пріятную слабость, сочувствуемую всѣми граціями и амурами, или высказывается даже геніяльностію, смѣлою свободою, и позволительнымъ исключеніемъ, которому мы должны удивляться. Облаченіе утонченности барской лучше всего служить къ украшенію низкихъ слабостей, потому что

онѣ дѣйствительно упожены, потому что дѣйствительно онѣ болѣе господствуютъ въ знашномъ кругу. Онѣ пѣмъ привлекапельнѣе, чѣмъ искусство покровъ, и Поэзія имѣетъ двойную выгоду, дѣйствовать самымъ сильнымъ образомъ на испорченныя чувства, въ то же время уступая, по видимому, болѣе прѣбваніямъ приспоспосности и морали. Суровая грубость навлекла бы на себя порицаніе правоученія, но и не ласкала бы упоженныхъ чувствъ. Напрощивъ того, упоженная низость избѣгаетъ всякаго порицанія; а между пѣмъ она — по именно болѣе прельщаетъ.

Такимъ образомъ сентиментальный родъ новѣйшей Поэзіи, которая новѣйшую жизнь признаетъ поэтической и вѣрно списываетъ оную, есть отчасти идиллическое нѣжничанье съ господствующимъ еще добродушіемъ, съ добродѣтелию семейною и домашнею; — отчасти — украшеніе господствующихъ пороковъ, страстей и низостей. Она есть зеркало духа времени, господствующихъ нравовъ и образа мыслей. Но можно утвердительно сказать, что дѣйствительность во многихъ отношеніяхъ гораздо лучше сего изображенія. — Поэты, чувствующие въ себѣ призваніе для сего рода Поэзіи, суть не самыя великія, и въ зеркалѣ новѣйшаго времени

они всегда видятъ только себя самихъ, собственныя свои слабости, предрасудки, суешность, похоти, низости. Можетъ быть, преще пворцевъ такихъ сенсиментальныхъ изображеній супъ женщины, и сіе обспольство уже показывается, чего должны мы ожидать отъ ихъ изложеній. Если онѣ и изображаютъ нѣкоторые извѣстные круги новѣйшей жизни, и можетъ быть всю поверхность оной, но не проникаютъ однако во все круги оной, въ глубину сей жизни. Такая глубина существуетъ, доколь являюся между нами истинные герои, философы и художники. Но она не имѣетъ ничего общаго съ оною гладкою поверхностію, и съ пѣтми Поэтами, которые на ней только забавляются. — Глубина оспается прочною и поспоянною, поверхность измѣняется; отъ того-то такъ быспро измѣняются и явленія, которые она опраждаетъ въ Литтературѣ. Кпо теперь читаемъ сіи чувствительные Романы минувшаго столѣтія; кпо въ будущемъ станеть читать наши исторіи о прелюбодѣлннхъ и искапеляхъ счастья? Одни высокія дарованія могутъ завѣрнть безсмертіе немногимъ умспвеннымъ произведеніямъ сего рода, которые, по своему пошлomu предмету и содержанию, никогда не смѣли бы простирасть на по свои припязанія. —

Общая толпа Поэтовъ умрениъ вмѣстѣ съ безразсудствами моды, къ которымъ приливается.

(Продолженіе впрѣдъ.)

III.

НОВАЯ ИСТОРИЯ.

Штурмъ Праги, ^{24 Октября} 1794 года.
_{4 Нвлября.}

(Продолженіе.)

Штурмъ Праги подалъ поводъ наводнить свѣтъ сенсимаментальными декламаціями. Поляки были побѣждены, и должны были сознаться въ превосходствѣ непріятеля: какое удовлетвореніе оставалось еще оскорбленному самолюбію, кромѣ того, чтобы ославить побѣдителей грубыми варварами, которые попрали ногами всякое чувство человѣчества? Неоспоримо, что были совершены дѣла жестокій — но они неизбежны при штурмѣ, при раздраженіи спраспей въ побѣдителяхъ. Человѣкъ, видящій вокругъ себя смерть въ непчислимыхъ образахъ, наконецъ не слѣ-

шпшть ничего болѣе, кромѣ гласа ярости. Если она еще подспрекается чувствомъ мести, какъ было здѣсь, по должно ожидать крайности, и въ подобныхъ обстоятельствѣхъ никакое другое войско не поступило бы чело-вѣколюбивѣе. Генералы и офицеры ничего не могли сдѣлать; нѣкоторые изъ нихъ подвергали даже опасности жизнь свою, покушались положить предѣлы воспламененнымъ спра-спямъ солдатъ.

Сколь несправедливо обвинять въ томъ полководца, на котораго такъ часто и неосновательно слагали вину сію, сколь усердно спарался онъ при всякомъ случаѣ побуждать своихъ воиновъ къ пощады беззащитныхъ, но и къ непреклонности проливъ вооруженныхъ, которые могли еще вредить, сіе явствуетъ изъ слѣдующей, достойной примѣчанія записки его, писанной къ Генералу Ферзену во время штурма:

„1, При малѣйшемъ сопротивленіи неослабно продолжать дѣйствія наступательныя; 2., Если они будутъ сподать на мѣстѣ, окружать ихъ конницею.

„*Мирь!* — *Пардонъ!* — *Бросать оружіе!* — Опдѣлать тѣхъ, которые полагаютъ оружіе, — имъ свобода и пропускъ. — Кто защищается, съ тѣми поступать, какъ выше ска-

зано, колошь, бишь. — Чрезъ каждыя три часа крапкое донесеніе.

„Спрого подтверждаю, вестн дѣло съ быспрошою, — дѣйствовашъ холоднымъ ружь-емъ, гнашь, бишь. Принуждашь къ сдачѣ, и не знашь покоя, пока всѣ мяпешники не будушь взяпы въ плѣнь.“

Въ споль позднее время года, и въ положеніи, въ какомъ находился Суворовъ, ему оставалось только одно крайнее средство — приспунуть. Кроме того имѣло оно два спасительныя послѣдствія: оно успрашило пропивниковъ, и тѣмъ положило конецъ всему дѣлу. Къ сему-то и спремился Суворовъ. Онъ часто насмѣхался надъ полководцами, которые хотѣли вестн войну во всей спрососпи по правиламъ, онъ того опнюдь ничего не дѣлали, и только длили бѣдствія, войною навлекаемыя. „Миролюбивые Фельдмаршалы,“ говорилъ онъ: „при началъ Польской кампаніи провели все время въ заготовленіи магазиновъ. Ихъ планъ былъ сражашься при года съ возмупившимся народомъ. Какое кровопролитіе! И кто могъ поручиться за будущее! Я пришелъ и побѣдилъ. Однимъ ударомъ приобрѣлъ я миръ, и положилъ конецъ кровопролитію!“

Такимъ образомъ во всѣхъ мысляхъ и дѣлахъ Суворова проявлялась необыкновенная

сила души — но онъ не былъ чуждъ и кро-
поспщ. Онъ не былъ жестокъ отъ природы;
но когда необходимость того требовала, не
ужасался кровопролитію. Войны нельзя ве-
спи, не проливая крови. — „У меня при ма-
нера, какъ поступать съ непріятелемъ,“ го-
ворилъ Суворовъ. „Кто встрѣчаетъ меня
мирно, шому я другъ и братъ; — кто пере-
жидаетъ и наконецъ сдается, шомъ мой плѣн-
ный; — но кто поднимаетъ на меня оружіе,
шому смерть! Такимъ образомъ страхъ предъ
моимъ оружіемъ уменьшаетъ число моихъ
враговъ. Одно сильное сраженіе отвращаетъ
нѣсколько другихъ, которыя были бы еще кро-
вопролитіе!“

По окончаніи всего дѣла, Суворовъ, въ
знакъ уваженія къ храброму Генералу Букс-
гевдену, назначилъ его Комендантомъ Пра-
ги. Буксгевденъ немедленно занялъ Прагу, и
выспавилъ полевую артиллерію на берегу
Вислы. Поспавлены были, гдѣ нужно, передо-
вые посты, а остальные войска расположи-
лись лагеремъ въ укрѣпленіяхъ. Палатка Су-
ворова разбила была близъ звѣрища; всѣ со-
брались къ нему, Генералы и офицеры, чшобы
принести поздравленіе съ дѣломъ, которое
должно было прославить имена всѣхъ учасп-
вовавшихъ въ ономъ. Поданъ былъ умѣрен-
ный обѣдъ, какой обшпательсшва позволяли

приготовившъ; плѣнные Польскіе Генералы и Шпабъ-офицеры были дружественно приглашены къ оному. — „Смерть сопротивляющемуся непріятелю, миръ и ласка побѣжденному“ — таково было изрѣченіе Суворова.

Въ тотъ же день отправилъ онъ къ Фельдмаршалу Румянцову, по обыкновенію своему, донесеніе въ слѣдующихъ словахъ:

„Сіяпельнѣйшій Графъ! Ура! Прага наша!“

Въ то же время писалъ онъ въ Пепербургъ къ Князю Платону Александровичу Зубову: „Побѣдоносныя войска Ея Императорскаго Величества пріобрѣли новую, блистательную славу. Они перелетѣли чрезъ волчьи ямы съ кольями, чрезъ заступы и палисады, чрезъ глубокія канавы, чрезъ высокій валъ и двойные окопы. Поздравляю Вашу Свѣшлость съ блистательнѣйшею побѣдою!“

Все оспальное время дня посвящено было попеченіямъ о раненыхъ и плѣнныхъ; большая часть сихъ послѣднихъ, жители Праги или Варшавы, были опущены; раненые, безъ различія націй, перевязаны, размѣщены и призрѣны.

Такимъ образомъ день сей, начавшійся боемъ и кровопролитіемъ, окончился въ мирной тишинѣ.

Но какія мысли волновали умы приверженцевъ различныхъ партій въ Варшавѣ? Съ

одной стороны сожалѣніе и плачь о падшихъ, съ другой страхъ, отчаяніе, ярость, безнадежность, смотря по различію умовъ; одни почитали все пошериннымъ, другіе хотѣли на все опважиться; одни настаивали на немедленномъ вступленіи въ переговоры съ побѣдителями, чтобы отвратить дальнѣйшее кровопролитіе, другіе желали довести дѣло до крайности какимъ нибудь ужаснымъ поступкомъ, и говорили объ увезеніи Короля, объ избіеніи дворянства, о возмущеніи народа, и о другихъ крайнихъ средствахъ, чтобы поднять духъ народа; умѣренности приписывали они дурной успѣхъ, и утверждали, что революція можетъ поддерживаться только кровью (*). Еще до штурма, чтобы пресѣчь всѣ пути къ примиренію, Колоннай въ Верховномъ Совѣтѣ предлагалъ перерѣзать Русскихъ плѣнныхъ и перевѣшать всѣхъ вельможъ, подозрѣваемыхъ въ приверженности къ Русскимъ; симъ средствомъ, по примѣру Французовъ, хотѣлъ онъ сдѣлать войну истребительною. Въ концѣ мѣсяца положено было сдѣлать рѣшеніе касательно сей мѣры; бысп-

(*) Да не упрекають насъ въ преувеличеніи: мы приводимъ здѣсь собственныя слова Поляка, который въ сѣхъ происшествіяхъ игралъ немаловажную роль, именно Графа Огнискаго.

рый маршъ Суворова и приступъ воспреляпспвовали тому, и спасли плѣнныхъ.

Миролюбивая партія одержала верхъ; даже Игнашій Помоцкій, рѣшительный врагъ Русскихъ, настоятельно пребовавъ сдачи, поелпку всякое дальнѣйшее сопротивленіе было бы щептно, и только бы еще болѣе раздражило пропивниковъ. Въ слѣдующее утро 25 Октября, явились при Члена Городоваго Совѣта Варшавы, Макаровичъ, Бораковскій и Спржалковскій, и просили о перемиріи, чпобы договорились о сдачѣ города; письмо Короля подкрѣпляло ихъ просьбу. Дежурный Генераль Исленьевъ поспѣшилъ съ симъ извѣстіемъ къ Главнокомандующему, который крайне оному обрадовался и попчасъ продиктовалъ слѣдующія условія: „Войска, находящіяся въ Варшавѣ, полагають оружіе въ города, на мѣспѣ, которое для того избрано будетъ; туда привезена будетъ и артиллерія со всеми прочими военными снарядами; послѣ того войска могутъ удалиться, куда захопятъ. Мостъ будетъ немедленно возсцановленъ, дабы Русскіе могли занять городъ и принять жителей подъ свое покровительсво. Королю оказано будетъ надлежащее уваженіе. Лица и имущества всѣхъ и каждаго остануся неприкосновенными, и все про-

шедшее будетъ предано забвенію. Въ слѣдующій же день, пошчасъ по возстановленіи мостна, Русскіе вступили въ Варшаву.“

Когда Исленьевъ прочиталъ сіи условія посланнымъ, они были прокупы до слезъ, ибо не ожидали такой умѣренности отъ побѣдителя. Онъ повелъ ихъ къ открытой палаткѣ Главнокомандующаго. Большой обрубокъ дерева служилъ въ ней вмѣсто стола, другіе меньшіе замѣнили стулья; на одномъ изъ оныхъ сидѣлъ преславный герой, въ короткой курткѣ, въ фуражкѣ, опоясанный саблею. Боязливо, колеблящимися стопами подошли посланные; едва завидѣвъ ихъ Суворовъ издалека, какъ вскочилъ съ мѣста, сорвалъ съ себя саблю, отбросилъ ее и поспѣшилъ имъ на встрѣчу съ распростертыми объятіями, восклицалъ: „Миръ! миръ! Я пришелъ не за шѣмъ, чтобы губить васъ; предлагайте условія, я приму ихъ, и да царствуетъ между нами миръ и согласіе!“ Не ожидавъ такой умѣренности отъ грознаго полководца, посланные, по Польскому обычаю, нагнулись, чтобы обнять его колѣна, но онъ не допустилъ ихъ до того, дружески обнял ихъ, ввелъ въ палатку и посадилъ подлѣ себя. Внутреннее движеніе лишило ихъ словъ, они плакали. Суворовъ ободрялъ ихъ, ласково разговаривалъ съ ними, велѣлъ угостить

ихъ, и спарался разсѣять всѣ опасенія. Обѣщавъ имъ безопасность лицъ и имуществъ, присовокупилъ онъ: „Вы еще не сказали одного, что я вамъ также дарую: это забвеніе прошедшаго. Спѣшите успокоить вашихъ согражданъ, увѣрьте ихъ въ сохраненіи жизни и имущества, въ забвеніи всего, что случилось; скажите имъ, что моя Всемилостивѣйшая Государыня даруетъ имъ миръ и покойствіе.“ — Потомъ отпустилъ онъ ихъ подъ прикрытіемъ, въ Варшаву, съ условіемъ, чтобы чрезъ 24 часа принесли ему: отвѣтъ касательно предложенныхъ спашей.

Восхищенные посланные, приближась къ рѣкѣ, радостно кричали споявшимъ на другомъ берегу: „миръ, миръ!“ Народъ бросился къ нимъ на встрѣчу, на рукахъ вынесъ ихъ изъ лодокъ, и съ радостнымъ крикомъ проводилъ до Рапуши, освободясь наконецъ отъ тягостнаго чувства страха. „Да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ Графъ Суворовъ!“ восклицалъ народъ непрерывно, и клики сіи слышны были въ самой Прагѣ.

Остальное время дня проведено въ лагерь надъ возстановленіемъ порядка, погребеніемъ убитыхъ и очищеніемъ улицъ Праги.

На слѣдующій день ^{26 Октября} _{6 Ноября.} явились тѣ же посланные съ отвѣтомъ, что „городъ

Варшава кладеть оружіе, что артиллеріи и военныхъ снарядовъ въ немъ нѣтъ; что войсками Республики онъ не можетъ располагать, ибо они ему не подвластны; что Королю оказаны будутъ должныя почести, въ коихъ городъ ему и не отказывалъ; что мостъ будетъ возстановленъ, но что невозможно сдѣлать этого къ слѣдующему дню, и что слѣдственно Русскіе не могутъ въ сей день выступить въ Варшаву; наконецъ, что войскамъ Республики нужна по крайней мѣрѣ недѣля времени, чѣобы очистить городъ.“

Отвѣтъ сей казался подозрительнымъ: по видимому, Поляки хотѣли только выиграть время. Суворовъ, коего проницательность трудно было обмануть, къ прежнимъ условіямъ присовокупилъ еще слѣдующія, требуя скорого, рѣшительнаго отвѣта: „Жители города будутъ обезоружены, и оружіе ихъ перевезено въ Прагу; арсеналь со всеми военными снарядами сдатьъ будетъ немедленно по выступленіи ихъ; Польскія войска или выйдутъ изъ города, или положатъ оружіе. Навозстановленіе моста дается три дня; но всѣ Русскіе плѣнные должны быть освобождены немедленно.“ Особенно настаивалъ Суворовъ на томъ чѣобы войска Республики или выступили изъ города, или сдали оружіе, ибо онъ зналъ, какимъ духомъ они еще были напичканы. „Охот-

никовъ драшься я уже настигну," — прибавлялъ онъ: „и тогда они не должны ожидать пощады.“ Онъ требовалъ равномерно выдачи всего оружія, обѣщая, по возстановленіи спокойствія, возвратить все дорогое оружіе хозяевамъ.

Чтобы въ случаѣ выступленія непріятельскихъ войскъ изъ Варшавы, немедленно преслѣдовать ихъ, или въ случаѣ измѣны или возстанія напасть на городъ съ другой стороны, Суворовъ приказалъ Барону Ферзену перевезши на лодкахъ чрезъ Вислу, въ Карчевъ, въ чепырехъ миляхъ выше Варшавы, опрять Генерала Денисова, и слѣдовать за онымъ съ своимъ корпусомъ на лѣвый берегъ рѣки. Въ то же время Буксгевденъ со стороны Праги началъ работы для возстановленія моста.

Недоумѣніе, безпокойство, замѣшательство продолжались между нѣмъ въ Варшавѣ, ибо войска не хотѣли опуступать, или въ случаѣ опуступенія, хотѣли увезти съ собою Короля. — Жители были въ большомъ страхѣ, и кто могъ, выѣзжалъ изъ города. Между нѣмъ Домбровскій и Мадалинскій, искусно прошедшіе въ опуступеніи своемъ чрезъ Прусскую цѣпь, узнавъ о штурмѣ Праги, подходили къ столицѣ, еще не опчаяваясь въ дѣль своего отечества. Домбровскій пола-

галъ еще оставшіяся войска Республики въ 40,000 человекъ, съ 200 пушекъ, и 10 мил. гульденовъ въ военной казнѣ. Съ сими средствами думалъ онъ продолжать войну, спасти изъ Варшавы драгоцѣнности, увезти Короля въ лагерь, и тамъ учредить, такъ сказать, спранспвующее Правительство. Въ крайности намѣревался онъ пробиться сквозь Прусскую армію и присоединиться къ Французской.

Сколь неоснователенъ ни былъ сей планъ, но онъ былъ усердно одобренъ прочими Генералами, и уже готовились къ исполненію онаго. Но зрѣлище, представившееся имъ по приближеніи къ Варшавѣ, было не весьма упѣшительное. Имъ встрѣшилось безчисленное множество бѣглецовъ; цѣлыя семейства, покинувъ дома и имущество, спѣшили уѣхать; дороги покрыты были пѣшеходами, всадниками и повозками всякаго рода! Грозное молчаніе царствовало въ семь печальномъ поѣздѣ, и прерывалось только рыданіями женщинъ и плачемъ дѣтей. Все, что они видѣли и слышали, рѣшительно доказывало совершенную потерю мужества. Еще надѣялись они на войска и на Короля; но вскоре получили отъ Ваврецкаго изъ Варшавы извѣстіе, что плана ихъ невозможно привести въ дѣйствіе, потому, что Король не хочетъ вызвать

изъ Варшавы ; что народъ спережеть всѣ выходы изъ дворца, и угрожаетъ всеобщимъ мятежемъ, если бы покусились увезти Короля ; что нельзя полагаться и на офицеровъ и солдатъ, впадшихъ въ уныніе со времени послѣдняго пораженія.

Дѣйствительно сдѣлано было покушеніе увезти Короля и плѣнныхъ, но въ слѣдствіе оного вспыхнуло въ Варшавѣ возмущеніе въ ночи на $\frac{27 \text{ Октября}}{7 \text{ Ноября}}$. Солдаты и злонамѣренные граждане съ крикомъ и шумомъ бѣжали по улицамъ, и предавались насилию: замѣшательство, ссоры, угрозы, и даже драки возникали въ городѣ. Городовой Магистратъ, опасаясь послѣдствій, и увѣренный, что спасеніе города зависитъ единственно отъ присутствія Короля, уговорилъ народъ пропитья его отъѣзду. Немедленно большія толпы собрались около дворца и въ близкихъ къ оному улицахъ, и кричали : „Не попустимъ увезти Короля; наша участь зависитъ отъ его присутствія; будемъ защищать его до послѣдней крайности.“

Сіи извѣстія побудили Домбровскаго и Мадалинскаго отказаться отъ своего плана, и думать уже только о безопасности своей и войскъ своихъ ; въ слѣдствіе сего они обратились къ Пилецъ.

Между тѣмъ Россійскій Главнокомандующій получилъ отъ Короля посланнаго, съ просьбою опложитъ вступленіе въ Варшаву еще на восемь дней, поелику войскамъ необходимо нужно было столько времени, чѣобы удались. Какъ ни больно было Суворову опказатъ въ чемъ либо злополучному Государю, но онъ пребылъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, и велѣлъ ему предсавитъ, что „последній бунтъ еще болѣе долженъ побудитъ его послѣшитъ вступленіемъ, чѣобы нецпсь о спокойствіи города и о безопасности Его Величества.“

Ваврежцкій и Верховный Совѣтъ, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны народа въ исполненіи своего плана, и не имѣя уже возможности защититъ столицу или увезти съ собою Короля, передали Государю всю власць надъ городомъ и надъ остававшимися войсками, и предсавили ему по возможности заботитъ о спасеніи Государства, не видя къ тому сами ни какихъ болѣе средствъ. Потомъ они вышли изъ города. Освободившись отъ нихъ, Король немедленно увѣдомилъ о томъ Русскаго полководца, предсавляя ему вступить въ городъ, когда онъ заблагоразсудитъ.

Между тѣмъ явился въ Русскомъ лагерѣ Игнацій Потоцкій. Будучи однимъ изъ виновниковъ революціи, принужденъ онъ былъ

теперь съ горестію проходитъ чрезъ дымящіяся развалины Праги въ лагерь побѣдителей, чѣобы молишь его о пощаду. Онъ пришелъ просишь объ отсрочкѣ на нѣсколько дней. Суворовъ, уведомленный о его прибытіи, велѣлъ позвать его къ себѣ, принялъ весьма ласково и оставилъ у себя обѣдать. Казалось, чѣно вниманіемъ своимъ хотѣлъ онъ заспашишь несчастнаго вельможу забыть свое положеніе. Вскорѣ явился и Графъ Мостовскій, другой зачинщикъ революціи, и привезъ письмо Короля къ Потоцкому, которому Король давалъ полномочіе для переговоровъ о мирѣ. Тогда Суворовъ принялъ опять всю свою важность, и объявилъ имъ, чѣно „Россія не воюешъ съ Польшею; чѣно онъ здѣсь только въ качествѣ полководца для истребленія мятежниковъ; чѣно данныя ему инструкціи чужды всякихъ политическихъ переговоровъ.“ Но изъ уваженія къ спѣсенному положенію Короля, котораго съ одной стороны Верховный Совѣтъ многократно понуждалъ просишь объ отсрочкѣ, а съ другой войско не переставало спрацать увезши его, Суворовъ далъ еще чѣпыре дня сроку, и назначилъ свое вступленіе $\frac{1}{2}$ Ноября.

Мостовскій возвратился съ симъ опвѣтомъ въ Варшаву, Потоцкій остался въ лагерь.

Робкіе умы совѣщовали Суворову задержати Поподкаго въ залогъ за Русскихъ плѣнныхъ: онъ съ негодованіемъ отвергъ сіе предложеніе. „Эпо было бы пресупленіе,“ сказалъ онъ: „употребилъ во зло оказанную имъ довѣренность, когда онъ опдался въ мою власть въ полной надеждѣ на безопасность перемирія. И на что залогъ? Нашимъ плѣннымъ они не нужны, чтобы получить свободу.“ — Только слабый спрашивается хитрости; сильный въ самомъ себѣ находитъ довольно силы и средствъ, противостать оной. Во всѣхъ помыслахъ и дѣлахъ Суворова оказывались всегда прямодушіе, откровенность и сила, и онъ пренебрегалъ всеми средствами, копорыхъ не могла одобрить самая строгая честность.

Между тѣмъ Генералъ Денисовъ исполнилъ данное ему приказаніе, и перешелъ чрезъ Вислу при Карчевѣ, конница вплавъ, пѣхота частію вмѣстѣ съ нею, сядясь на лошадей сзади всадниковъ, частію на лодкахъ, на коихъ перевезена также и артиллерія. Находившіяся тамъ непріятельскія войска хотѣли воспротивиться переходу, но были прогнаны и преслѣдуемы.

Въ Варшавѣ все еще боялись мятежническихъ войскъ, стоявшихъ близъ города, и еще не отказавшихся отъ надежды увезти

Короля. Потому-то отъ самого Короля и отъ
Городоваго Магистраша получена $\frac{28 \text{ Октября}}{8 \text{ Ноября}}$

до развѣша просьба не оплагать долге вступленія въ Варшаву, но поспѣшишь онымъ. Суворовъ послалъ Полковника Князя Лобанова-Ростовскаго для пріянія плѣнныхъ, и назначилъ слѣдующій день для вступленія.

(Окончаніе впрѣдъ.)

IV.

АНТИКРИТИКА.

Русскій Театръ.

Любители Отечественной Литературы, въ особенности любители Театра, зная пользу просвѣщенной критики, питали себя надеждою, что въ наше время найдутся люди, которые свое знаніе, таланты, умъ употребятъ на разборъ пьесъ драматическихъ, и на сужденіе объ игрѣ Актеровъ. Ихъ мнѣніе, полезное для Авторовъ и Артистовъ, было бы пріятно и полезно для всѣхъ, желающихъ видѣть успѣхи Словесности нашей во всѣхъ родахъ. Но до сихъ поръ эта надежда, какъ всѣ лучшія надежды въ жизни человеческой, осталась безъ исполненія. Хорошій драматическій разборъ есть явленіе рѣдкое на обзорѣ Лице-

рапуры нашей; ни одинъ изъ почтенныхъ и заслуженныхъ кришиковъ не просвѣщаетъ насъ своимъ знаніемъ, своею теоріею, своимъ опытомъ, и молчаніе было бы не прерываемо, если бы по временамъ не раздавался въ Сѣверной Пчелѣ критическій голосъ М. Я...ва, этого верховнаго судьи - Литератора, безпаланныхъ милующаго, аршистовъ съ дарованіемъ карающаго.

Любовь къ справедливости, участіе въ оскорбленіяхъ незаслуженныхъ, заставили меня выступить на поприще, на кошоромъ я не осмѣливаюсь искать извѣстности, а довольнымъ пощпу себя, если скажу истину, открою неблагонамѣренность. Сужденія неосновательныя, хвала и порицанія безъ доказательствъ, безъ теоретическаго изслѣдованія, приговоры смѣлые и рѣшительные, способъ изъясненія неблагогородный; всегдашнія насмѣшки и пародіи — вошь отличительныя черпы кришикъ нашего грознаго Ариспарха. — Оставляя въ покоѣ шъ изъ рецензій, кошорыя въ Сѣверной Пчелѣ являюся безъ именъ Авшоровъ ихъ, или иногда подъ разными фирмами, и всегда считая подобныя произведенія чадами, опшверженными ихъ собшвенными шворцами — я позволяю себѣ опшановить вниманіе почтенныхъ чипашелей на двухъ послѣднихъ разборахъ Г. М. Я. Судьи безпристрастные оцѣнишь ихъ достоинство, а прозорливые постигнушь цѣль. Въ первой рецензій нападаетъ нашъ кришикъ на планъ Трагедіи Танкредъ, Трагедіи, всѣмъ уже извѣстной, столько разъ до него разобранной, и въ достоинствѣ лишературномъ определенной теориками знаменитыми. Оцъ разбираетъ ее са-

мымъ подробнымъ образомъ, какъ на примѣръ: „*основаніе Трагедіи есть глупость; любовь Аменаиды заставляетъ ее дѣлать глупости; любовь Танкреда дорогою глупости довела его до смерти.*“ Потомъ (рѣшишельно уничтоживъ — кого же? Вольтера!) — открываетъ спрашный судъ Акперамъ. „*Г. Каратыгинъ ст. сыгралъ роль Танкреда съ большимъ успѣхомъ. — Если бы онъ въ третьемъ актѣ оставилъ напряженіе голоса, доходившаго даже до хриплаго рева (!), то игра его была бы совершенствомъ трагическаго Актера.*“ Я хочу спросить всякаго, знающаго эпо дѣло: что эпо за разборъ? Когда, гдѣ Г. Караш. сп. былъ хорошъ, гдѣ былъ дурень онъ? — Ничего не узнаешь. — Видишь только, что если бы онъ не ревелъ хриплымъ голосомъ, то игра его была бы совершенна. — Такъ ли разбираетъ просвѣщенный Литераторъ игру лучшаго Арписста? Неужели между ревомъ хриплаго голоса и совершенствомъ игры прагической (едва ли поняномъ Г. Рецензенту) разстояніе такъ невелико? — Можно ли съ такою опрометчивостію хващаться за крайности? — Я полагаю, скажу лучше, въ томъ увѣренъ, что если спросить самого Карашыгина сп., то и онъ, какъ Арписстъ умный, опытный, не назоветъ совершенствомъ игру свою, зная, какъ оно всегда относительно, какъ неопредѣленно. На высотахъ міра идей, въ области, недоступной земнымъ спруженикамъ — обитаешь совершенно прекрасное. Туда истинное дарованіе направляешь полешь свой, горишь желаніемъ вспунить въ его свѣтые предѣлы, и счастливо — если можешь приблизиться къ онимъ. Въ сужденіи объ игрѣ Г-жи

Карашыгиной видимъ шу же безощетливостъ и тѣ же крайности: „или она была неподражаема, или „голосъ ей измѣнилъ и непріятное вскрикиваніе уничтожило наслажденіе зрителей.“ Гдѣ шушь средина? То въ игрѣ сихъ двухъ аршисловъ Г. М. Яковлевъ видишь идеалъ — совершенство неподражаемое, шо упрекаешь ихъ въ неисполненіи первой обязанности Акшера: не ревѣшь и не кричашь хриплымъ голосомъ, (достойнствѣ только лишь отрицательномъ)! Хорошо по крайней мѣрѣ, что и мужъ и жена шерпашь за одно. „Г. Борецкой,“ продолжаешь онъ: „въ Аржиръ заслуживалъ рукоплесканія. Жаль только, что публика, растогая ихъ (и по заслугамъ!) Г. и Г-жѣ Карашыгиныиъ, скупилась на нихъ Г. Борецкому. Можно ли писашь такіа замѣчанія о публикѣ? Неужели единственный и справедливый цѣнщикъ — публика (для Акшеровъ судъ попомощва не существуетъ), на эшотъ разъ была слѣпа, невнимательна къ таланту Г. Борецкаго, и оцѣнивъ игру Г. г. Карашыгиныхъ, не умѣла почтисшь красотъ игры Борецкаго? Да и что такое, растогала рукоплесканія, а пошомъ — прибавляешь: и по заслугамъ (*). Ужъ не думаешь ли Г. Рецензентъ, что на эшотъ вечеръ посѣщисшли Театра были предубѣждены въ пользу Карашыгиныхъ! Но ушѣшисшли — чего не могли сдѣлать наши Аршислы лучшіе, — въ шомъ успѣли совершенно Гг. Толченовъ (Орбасанъ), Григорьевъ б. (Альдамонъ) и Радинъ (Капанъ). Они своею классическою игрою

(*) По нашему, кто растогашь, шомъ даешь лишнее. —

удовлетворили всѣмъ строгимъ приязаніямъ М. Яковлева (а это не бездѣлица), и онъ, ни мало не разбирая игру ихъ — всѣхъ по очереди, осыпаетъ похвалами, прибавляя, „что такого Алдамона (Григорьевъ) на кашемъ Театрѣ никогда еще не было.“ Мнѣ кажется, что это последнее извѣстіе достойно быть опубликовано во всѣхъ газетахъ, по своей новостности.

Во второй рецензіи своей пишется Г. Критикъ шутовскимъ сказочнымъ (какъ самъ онъ говоритъ) *ладомъ* сюжетъ Трагедіи — Кровавая рука, (метода дурная и, по нашему мнѣнію, самая легкая — надъ всѣмъ смѣяться.) Но худо понимая самъ оный, Г. М. Яковлевъ перетолковываетъ по своему. Приведемъ сему доказательства. — „*Вельможа Гутіеръ до брачнаго вѣнца съ Менціею соблазнилъ благородную дѣвицу Изабеллію* (вмѣсто Изабелла). Этого въ Трагедіи совсѣмъ нѣтъ. Гутіеръ хотѣлъ жениться на Изабеллѣ, но не женился по подозрѣнію, довольно основательному (*motivé*): онъ видѣлъ въ домѣ ея молодого человека, при появленіи Гутіера скрывшагося изъ дома. — Развѣ это одно и то же? — Ошказался онъ женильбы по ревности, Испанцамъ такъ свойственной, и соблазнилъ дѣвицу, обыкновенная переменна воли человѣческой, и поступокъ сшоль ужасный и противный нравственности, неужели не замѣшилъ Г. М. Я. . . . шупъ разнощи — для насъ поразительной, великой! — Если же пресшупленіе величайшее, и случай, обыкновенный въ дѣлахъ міра сего, — кажущся ему пресшупленіемъ одинаковымъ, по мы

осмѣлились бы посовѣтовать ему никогда не писать рецензій. — Послушаемъ далѣе: „*между тѣмъ инымъ, проимъ, Кастильскій вельможа Гуміеръ, съ бухты баракты (прекрасныя выраженія), началъ подозрѣвать супружницу свою.*“ На это мы скажемъ, что это все выдумка, и что въ Трагедіи сказано иначе. — Гуміеръ не съ бухты — баракты началъ подозрѣвать Менцію: онъ видѣлъ ея смущеніе, ходилъ осматривать, съ ея же словъ, не скрывается ли кто въ спальнѣ ея, и нашелъ, къ удивленію своему, кинжалъ, явно удостовѣрившій его въ посѣщеніи неожиданномъ. Слѣдовательно и пусть подозрѣніе Гуміера довольно естественное. Далѣе: „*осудилъ Король преступника, осудилъ на казнь неслыханную: на женитьбу съ Изабеллою.*“

И это искаженіе Трагедіи дѣлаетъ честь изобрѣшательности М. Яковлева, потому что въ ней ничего подобнаго нѣтъ. — Король предлагалъ Гуміеру руку Изабеллы, это правда; но предлагалъ ему единственно для испытанія, для вѣрнѣйшаго открытія злодѣйства вельможи

Но довольно говорить о выдумкахъ; скажемъ два слова о грамматическихъ придиркахъ М. Яковлева. Въ Трагедіи сказано:

По промыслу — и выѣска бывасятъ.

Нашъ Лагаръ говоритъ: „*промысль провидѣніе, а не ремесло.* Беру смѣлость спросить его: кто жъ этого не знаетъ? — И къ чему такое восклицаніе! Если Г. М. Яковлевъ думалъ своимъ лаконическимъ возгласомъ показать ошибку Г. Карашыгина сл., сказавшаго въ Трагедіи своей: по про-

мыслу, то онъ весьма не правъ. — Имена существительныя промышель, умысель и многія другія одноокончательныя имена, въ дашельномъ падежѣ, единственномъ числѣ, сокращенно всегда могутъ бытъ шакъ употребляемы, и осуждашь это употребленіе значить — не знашь Грамматики. Наконецъ, Г. Кришикъ съ важностію опредѣляешь, „что характеры лицъ дѣйствующихъ въ Трагедіи, кромѣ Донъ-Гушьерова (замышьше падежъ) весьма незанимательны.“ Бѣдлый Кальдеронъ! Ни похвалы Бушверека, Шлегеля и другихъ славныхъ Кришиковъ, ни удивленіе всей просвѣщенной Европы не могли отклонить отъ главы его мудраго и справедливаго приговора нашего генія!

Въ заключеніе спашья нашей обратишь ли вниманіе почтенныхъ читателей на слогъ сей кришики? Думаю, что не нужно. — Любопытныя до рѣдкосшей могутъ прочесть ее въ Сѣверной Пчелѣ, въ 10 Но нынѣшняго года, и тогда увидяшь, до какой степени нашъ строгій Кришикъ, ничѣмъ неизвѣстный въ литерашурномъ мірѣ (развѣ своими Водевилями, ни на одномъ театрѣ неизраемыми) просперъ свою насмѣшливость въ сужденіи о прудѣ Арписша, по всѣмъ отношеніямъ достойнаго нашего уваженія, и снисходительности къ авторскимъ недоспашкамъ. Г. Карашыгинъ сп., переводя новую Трагедію для своего бенефиса, думалъ не о самолюбіи Литерашора, а о разнообразіи удовольствій почтенныхъ пошшителей Театра, къ нему вообще, болѣе Кришика, милосливыхъ. — Драмашической репершуаръ у насъ не слишкомъ богатъ *славными*,

и для всякаго просвѣщеннаго зрителя конечно пріятно видѣть появленіе новой драматической пьесы, хошя и не первокласной (*). Въ этомъ-то отношеніи Г. Каратыгинъ сп., жертва Г. М. Я.... приспастія, скромностію осужденный на безмолвіе, заслуживаетъ благодарность, а не насмѣшки; какъ арпистъ, при всѣхъ недосугахъ своихъ, серіозно занимающійся Литературою, если и не всегда съ успѣхомъ блестящимъ, по всегда съ правомъ на вниманіе, болѣе вѣжливое, на критику, болѣе деликатную.

Сужденіе Г. М. Я. объ Изорѣ (переведенной Карат. сп.) исполнено того же рода остроумія; слѣдовательно говоримъ о такой криптикѣ снова нечего; это полъ же полетъ и шой же пшицы. „*Не зылемъ*, восклицаетъ онъ:“ „*бъсмлясь м Изора замужемъ.*“ Эшого и мы не знаемъ, но знаемъ, что многіе бѣсятъ временно, и тѣхъ

Полечать, вылечать авось;

А ты, голубчикъ мой, неисцѣлитъ, хать брось;

Прощайте, башюшка, пора перебъснись!

Александрова.

(*) Во всѣхъ при представленія пьесы: Кровавая рука — Театръ былъ полонъ.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗОРЪНЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 23-го Февраля, Военный Министръ предложилъ проектъ закона объ учрежденіи иностраннаго легіона, принятый Палатою Депутатовъ съ прибавленіемъ, уполномочивающимъ Правительство употреблять оный и внутри Королевства. — По предложенію Маршала Журдана, назначена Коммиссія для сочиненія адреса Королю, въ коемъ положено благодарить Е. В. за дѣлательное содѣйствіе независимости Бельгій, и изъявить, сколь глубоко пронута Палата Перовъ жертвою, принесенною имъ отечеству въ надеждѣ сохранить миръ. — Въ засѣданіи 24-го числа принятъ законъ касательно образованія народной гвардіи, а въ засѣданіи 25-го, законъ объ уничтоженіи торго невольниками.

Въ засѣданіи Палаты Депутатовъ 20-го Февраля, Президентъ Совѣта защищалъ внутреннюю пошлину Правительсва, и мѣры спростости, къ коимъ она въ последнее время принуждено было прибѣгнуть. — Въ засѣданіи 31 числа принятъ, большинствомъ 236 голосовъ противъ 51, проектъ закона объ учрежденіи иностраннаго легіона. — Министръ Финансовъ предложилъ проектъ закона о налогахъ, и о дополнительномъ назначеніи 300 млл. на Министерства. Палата приняла всѣ спашья закона объ уничтоженіи торго невольни-

ками. — Въ засѣданіи 23 числа, Министръ Иностранныхъ дѣлъ изложилъ поведеніе Правительсва въ дѣлахъ Бельгіи, и защищалъ оное прошивъ нападеній нѣкоторыхъ Членовъ, равно какъ и прошивъ упрека, что оно не вспунается въ дѣла Польши. — Въ засѣданіи 24 числа, Палата приняла слѣдующую первую статью закона о выборахъ: „Каждый Французъ, пользующійся гражданскими и политическими правами, имѣющій 25 лѣтъ отъ роду, и платящій 200 франковъ прямыхъ податей, имѣетъ право избирать, если исполняетъ прочія условія, въ настоящемъ законѣ изображенныя. Но ежели въ избирательномъ округѣ будетъ менѣе 150 избирателей, то сіе число будетъ пополнено гражданами, платящими наибольшую сумму податей ниже 200 фр.“ По-второй статьѣ: „въ случаѣ равнаго плашежа податей, преимущество отдается старшимъ по лѣтамъ.“ Третьею статьею даруется право избирать лицамъ, занимающимся нѣкоторыми свободными профессіями, но подъ условіемъ, чтобы они платили 100 фр. податей. — Въ засѣданіи 26-го числа, принятъ законъ о назначеніи 2 милл. фр. на пенсіи военнымъ.

Королевскими повелѣніями 25-го Февраля, Членъ Палаты Депутатовъ Графъ Бонди назначенъ Префектомъ Сенскаго Департамента, на мѣсто Г-на Одилона Барро, который наименованъ Государственнымъ Совѣтникомъ; а Г. Вивіенъ, Генераль-Прокуроръ Королевскаго Суда въ Аміенѣ, назначенъ Префектомъ Парижской Полиціи, на мѣсто Г. Бода, который остается Государственнымъ Совѣтникомъ.

Говорящъ, что Генераль Беллиаръ будетъ назначенъ Посланникомъ въ Бельгію; во время Императорскаго Правленія, онъ долгое время командовалъ пашь войсками. Депутаты Бельгійскіе сами просили Короля о его назначеніи.

Король утвердилъ представленіе Маршала Герцога Далматійскаго объ учрежденіи Королевскаго Военнаго училища, которое будетъ состоять въ вѣдѣніи Военнаго Министра и назначается для воспитанія сыновей недослалочныхъ военнослужащихъ, и преимущественно сиротъ. На счетъ казны будутъ содержаться по крайней мѣрѣ 300 воспитанниковъ; будутъ также принимаемы и пансіонеры.

А н г л и я.

Въ засѣданіи Нижней Палаты 18-го Февраля, Г-нъ Юмъ возспавалъ противъ расходовъ, назначенныхъ на армію, и требовалъ сообщенія всѣхъ протоколовъ конференцій, бывшихъ въ Лондонѣ по дѣламъ Бельгійскимъ. Лордъ Пальмерстонъ защищалъ увеличеніе арміи 10,000 человекъ необходимою сохраненія порядка внутри Государства, и изложилъ ходъ дѣлъ Бельгіи и поведеніе Правительсва въ отношеніи къ онымъ. По долгомъ преніи Г-нъ Юмъ отказался отъ своего требованія. — Въ засѣданіи 21-го числа, Военный Министръ требовалъ 2,796,043 ф. ст., на сухопутное войско, исключая артиллерію. Расходы на армію въ семь году превышаютъ прошлагодніе 199,966 ф. ст., на которые будутъ набраны 7600 человекъ, такъ, что армія будетъ состоять изъ 88,496 человекъ. Палата согласилась на назначеніе

пробуемой суммы. — Въ заведеніи 25-го числа, Сиръ Дж. Грагамъ, первый Лордъ Адмиралтейства, пребовалъ 1,081,600 ф. ст. для флота и содержанія 22,000 матросовъ и 10,000 солдатъ; всѣ расходы на морскую силу въ 1851 году простираются до 5,852,000 ф. ст. Требуемая сумма назначена.

Увѣряють, что Король изъявилъ сильное неодованіе на покушеніе извѣстной партіи, воспротивившись Правительству въ важномъ дѣлѣ преобразования Парламента, съ намѣреніями непріязненными для общественнаго спокойствія. В. В. сказалъ, что благоразумное преобразование необходимо, и что одни только враги порядка могутъ прошивиться оному.

По извѣстіямъ изъ Дублина отъ 24-го Февраля, въ Графствѣ Мидскомъ (Meath) происходили важныя безпорядки; надобно было употреблять военную силу для разсѣненія народныхъ сходбищъ. — Въ Графствѣ Майо шрешья частыя жинелей терпятъ голодъ.

Изъ числа 223 преступниковъ, которые будутъ судимы Судомъ Ольдь-Бейлей, 129 имѣють не болѣе 21 года отъ роду и менше, и въ томъ числѣ 35 человекъ 15-ти лѣтъ и моложе, шрое 10-ти лѣтъ, и даже двое только 8-ми лѣтъ.

По достовернымъ извѣстіямъ изъ Нью-Йорка отъ 24 Января, оспрова Гваделуна и Маршиника были въ полномъ возмущеніи.

Н и д е р л а н д ы.

Король назначилъ Коммиссію изъ девяти Членовъ, которой поручено пересмотрѣть Гражданское и Уголовное Уложеніе, для переменъ, кошо-

рыя нужно будетъ сдѣлать въ слѣдствіе отдѣленія Бельгіи.

Въ Масприхтѣ посланы были два Англійскіе Коммиссара, Г-да Аберкромби и Вайшь, для удостовѣренія въ исполненіи условій перемирія; они собрали тамъ точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ они были къ 21-му Ноября прошедшаго года, и возвратившись въ Брюссель, отправили въ Лондонъ донесеніе, какъ говорить, неблагопріятное для Бельгійцевъ. — Генераль Диббелсъ доноситъ изъ Масприхта, ошъ 23-го Февраля, что Бельгійцы дѣйствительно готовятся оставить блокаду сей крѣпости, какъ видно, въ слѣдствіе поманушаго донесенія. Генераль Денъ писалъ къ нему наканунѣ, что онъ отдалъ нужныя приказанія объ открытіи свободнаго сообщенія съ Ахеномъ для гражданъ и для военныхъ; оное равномерно возстановится и съ Сѣвернымъ Брабантомъ.

Народный Конгрессъ, въ засѣданіи 22-го Февраля, ошвергъ большинствомъ 11-ми голосовъ проектъ закона о выборахъ, коего всѣ статьи были приняты порознь. — Въ засѣданіи 23-го числа читано письмо Принца Фридриха Сальмъ-Кирбургскаго, кошорый предлагаетъ себя въ Короли. Принято предложеніе Г-на Лебо о назначеніи Регента, и положено производить ему по 10,000 гульденовъ въ мѣсяць. — Въ засѣданіи 24-го числа, избранъ въ Регенты Г-нъ Сюрде де Шокье, въ пользу коего изъ 157 Членовъ подали голоса свои 106. По предложенію одного Члена, Конгрессъ объявилъ, что издалъ постановленія 18 и 24 Ноября, касательно народной независимости и исклю-

ченія Нассаускаго Дома, въ качествѣ законодательнаго сословія. — 25-го числа было торжественное засѣданіе для принятія Регента. Временное Правительство передало Конгресу исполнительную власть. На мѣсто Г-на Шокке избранъ въ Президенты Конгреса Г-нъ Герлахъ. — Въ засѣданіи 26-го числа, Конгресъ принялъ предложеніе о назначеніи 150,000 гульд. въ вознагражденіе Членамъ Временнаго Правительства.

Регентъ сдѣлалъ слѣдующія наименованія: Г-нъ Герлахъ Президентъ Совѣта Министровъ; Г-нъ Гендебинъ Министръ Юстиціи; Г-нъ Гобле Министръ Военный; Г-нъ Брукеръ Министръ Финансовъ; Г-нъ Тилемансъ Министръ Внутреннихъ дѣлъ; Г-нъ ванъ де Вейеръ Министръ Иностранныхъ дѣлъ. Министерствъ общественной безопасности уничтожается съ 10-го Марша, и составныя части онаго перейдутъ въ тѣ Министерства, къ коимъ принадлежали прежде.

Въ Антверпенской газетѣ напечатана слѣдующая статья о прошолоѣ 27 Января: „Не смотря на невмѣшательство Франціи, Лордъ Понсонби сообщилъ Дипломатическому Комитету прошолоѣ 27 Января о раздѣлѣ долговъ. Конференція объявляетъ, что принимаетъ за основаніе практисаы 1815 года, что размашриваетъ долги въ массѣ, не входя въ разсмотрѣніе ихъ происхожденія, и принимаетъ въ соображеніе только финансовыя средства Бельгіи и Голландіи; она беретъ за основаніе раздѣла среднюю сумму прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и акцизовъ, поступавшихъ въ казну въ 1827, 28 и 29 годахъ; въ слѣдствіе того налагаетъ на семь областей, дол-

женствующихъ составишь Бельгію, платежъ $\frac{1}{3}$ часпей долга, а на Голландію остальныя $\frac{1}{3}$. Бельгійцы въ вознагражденіе будутъ участвовашь въ торговль съ колоніями, доколь оныя будутъ принадлежать Королю Голландскому, но съ условіемъ нести также часть расходовъ, нужныхъ для защиты колоній. Секвестръ, наложенный на имущества Королевскія, долженъ бышь снятъ и Е. В. вступишь въ полное владѣніе оными. ликвидація между Бельгією и Голландією будетъ произведена въ Гагъ; до того времени, Бельгія должна платишь проценты за свои $\frac{1}{3}$ часпей. Гавань Антверпенская останеся торговою. Весь флотъ будетъ принадлежать Голландіи. Уполномоченные, почиая дѣло примиренія оконченнымъ, поспановляють, чшобы рѣшенія всѣхъ протоколовъ были собраны въ единообразный рядъ статей, подъ названіемъ: Основанія отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Оныя оканчиваються объявленіемъ, что Державы, не обвинуясь, полагають себя въ правѣ поспановишь сіи основанія, не касаясь другихъ важныхъ вопросовъ; оныя объявляють, чшо въ ихъ глазахъ, Государь сей земли необходимо долженъ самъ ушвердишь бышіе оной, ручаься своими личными отношеніями въ безопасности сосѣднихъ Державъ, слѣдственно приняшь рѣшенія насшоящаго протокола, и бышь въ состояніи упрочишь Бельгійцамъ мирное наслажденіе оными.

И т а л і я.

Въ Пармѣ произошло возмущеніе 12-го Февраля. Ея Величество Герцогиня выѣхала изъ го-

рода 15-го числа, и 18-го прибыла въ Піаченцу, гдѣ была принята со всеобщимъ восторгомъ. Въ слѣдствіе новельціа Е. В., столица впредь до подѣлвія перенесена въ Піаченцу. Говорятъ, что по требованію Е. В., два баталіона Австрійской пѣхоты получили повелѣніе идти въ Парму.

Е. К. В. Герцогъ Моденскій отправился съ фамліею своею, 15-го числа, изъ Мантуи въ Ви-ченцу; предъ отъѣздомъ своимъ издалъ онъ прокламацію, въ коей объявляетъ недействительнымъ все, что сдѣлаетъ Временное Правительство. Австрійскій Генералъ Баронъ Гепнертъ получилъ повелѣніе вступить въ Герцогство Моденское съ осмью баталіонами и двумя баштарейными рота-ми. — Генералъ Графъ Бендгеймъ съ 14 баталіонами спокитъ на границѣ Феррарской Легаціи, и готовъ вступить въ Царскія владѣнія по первому востребованію.

Въ Римѣ начали успокоиваться; но изъ областей получаюся неблагопріятныя извѣстія: Неруза, важный городъ съ цитаделью, послѣдовалъ примѣру Болоньи. Въ провинціи отправлены Кардиналы Бенвенуши и Риварола; но первый схваченъ въ Озимо, и заточенъ 22 Февраля въ Болонью. Временное Правительство сего города объявило, что городъ и крѣпость Санъ Леонъ съ 40 пушками сдались его войскамъ — Анкона также сдалась; Жипелли Ченто и Пиеве покорились Временному Правительству. Въ Римѣ обнародована 18 числа прокламація Кардинала Бериеши, въ коей онъ въ послѣдній разъ увѣщеваетъ возмущившіяся области обратиться къ порядку, и объявляетъ, что Его Святейшество намеренъ употребить все средства для сохраненія цѣлости своихъ владѣній.

Марта 6.